

МОСКОВСКОЕ ДЕЛО

Иван IV не ждал противодействия со стороны запуганного духовенства. Однако накануне суда он предпринял шаги, которые послужили новым предостережением для недовольных церковников. Опричники обезглавили рязанского архимандрита и взяли под стражу еще нескольких членов Священного

собора. Всем памятно было, что Пимен председательствовал на соборе, осудившем Филиппа. Теперь архиепископ шел по стопам митрополита. Покорно следуя воле царя, высшие иерархи церкви лишили Пимена сана и приговорили к пожизненному заключению. Произошло это между 18 и 20 июля 1570 г. Прибыв к месту заточения в небольшой монастырь под Тулой, Пимен вскоре умер.

Арестованные в Новгороде «сообщники» Пимена в течение нескольких месяцев томились в Александровской слободе. Розыск шел полным ходом. Царь делил труды с палачами, проводя дни и ночи в тюремных застенках. Опальные подвергались мучительным пыткам и признавались в любых преступлениях. Как значилось в следственных материалах, «в том деле с пыток многие (опальные) про-ту измену на новгородского архиепископа Пимина и на его советников и на себя говорили». Полученные на Пыточном дворе материалы скомпрометировали многих высокопоставленных лиц в Москве.

Кровавый погром Новгорода усилил раздор между царем и верхами земщины. По возвращении из новгородского похода Грозный имел длительное объяснение с государственным печатником Иваном Висковатым. Ливонский хронист Бальтазар Рюссов так отзывался о «знатнейшем канцлере» царя: «Отличнейший человек, подобно которому не было в то время в Москве; его уму и искусству, как москвитя, ничему не учившегося, удивлялись все иностранные послы».

Иван IV, как говорили в Москве, любил старого советника, «как спасение души». Висковатый отважился на объяснение с Грозным после того, как опричники арестовали и после жестоких пыток казнили его родного брата. Он горячо убеждал царя прекратить кровопролитие, не уничтожать своих бояр. В ответ царь разразился угрозами по адресу боярства. «Я вас еще не истребил, а едва только начал, — заявил он, — но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось!» Дьяк выразил вслух настроение земщины, и это встревожило Грозного. Оппозиция со стороны высших приказных чинов, входивших в Боярскую думу, явилась неприятным сюр-

призом для царских приспешников. Чтобы пресечь недовольство в корне, они арестовали Висковатого и нескольких других земских дьяков и объявили их «советниками» Пимена. Так новгородский процесс перерос в московское дело.

Царские послы, отправленные в Речь Посполитую в 1570–1571 гг., должны были так объяснить причины казни Висковатого и Фуникова: «О чем государской изменник Курбский и вы, паны радные, с этими государскими изменники ссылались, о том Бог нашему государю объявил, потому они и казнены».

Грозный продолжал сражаться с Курбским. Но народу знать об этом не следовало. Власти постарались внушить столичному населению, что главные дьяки земщины поддерживали изменнические связи с Польшей, Турцией и Крымом. Они якобы намеревались сдать полякам Новгород и Псков. Турок они убеждали послать войска к Казани и Астрахани, а крымцев подучили совершить набег на Русь, чем причинили огромный урон жителям Московии. Обвинения подобного рода должны были заглушить голоса тех, кто осуждал зверства опричнины.

В Речи Посполитой известие об измене Висковатого в пользу польского короля было воспринято с откровенной насмешкой. Литовский вице-канцлер Остафий Волович, направлявший деятельность литовской секретной службы в России, писал о казни Висковатого следующее: «...обвинив его, что к турецкому, татарскому и нашему государю расположен был. Не знаю об этих басурманах, но к государствам нашего Господина не благосклонен...» С кафинским пашой Висковатый вел тайную переписку по прямому заданию Ивана IV.

Суд над московскими дьяками завершился в течение нескольких недель. 25 июля 1570 г. осужденные по новгородскому делу были выведены на рыночную площадь, прозывавшуюся в народе Поганой лужей. Со временем полое место напротив Кремля стало называться Красной площадью.

Опричные приготовления предвещали необычное зрелище. Они смутили даже выдавших виды людей. В центре площади была выстроена большая загородка, внутри которой оп-

ричники вбили около 20 кольев. К ним были привязаны бревна в виде поперечных перекладин. Место казни напоминало Голгофу. Возле одного из крестов пылал костер, и в большом пивном котле кипела вода.

Царь Иван явился на рыночную площадь на коне и в полном вооружении — «в доспехе, в шоломе и с копием». При нем находились наследник и многочисленная вооруженная свита. За свитой следовало 1500 конных стрельцов. Они окружили площадь полукругом.

Приготовления к экзекуции и появление царя с опричниками вызвали панику среди столичного населения. Люди разбегались по домам. Такой оборот дела озадачил Грозного, и он принялся увещевать народ «подойти посмотреть поближе». Паника понемногу улеглась, и толпа заполнила рыночную площадь. Обращаясь к толпе, царь громко спросил: «Правильно ли я делаю, что хочу покарать своих изменников?» В ответ слышались громкие крики: «Живи, преблагой царь! Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их!» Всенародное одобрение опричной расправы было, конечно, фикцией.

Стража вывела на площадь примерно 300 опальных людей, разделенных на две группы. Осужденные представляли собой жалкое зрелище. После перенесенных пыток многие из них с трудом передвигались.

Около 180 человек были отведены в сторону и выданы на поруки земцам. Царь «великодушно» объявил народу об их помиловании. Подле кольев остались более 100 человек. Москва не видывала казней такого масштаба. Немногим палачам, которых содержала посадская община, справиться с делом было не по плечу. Перед самым началом экзекуции вышла заминка. Малюта Скуратов, распорядившись на площади, подбежал к царю и спросил, кому начинать казни. Самодержец отвечал двусмысленной шуткой: «Пусть один предатель другого предателя губит». Он, конечно же, имел в виду земцев. Последние по-своему поняли смысл царской речи: «Пусть верный казнит вероломного». Слова Грозного были адресованы земщине.

Участие высшего боярского руководства в казнях должно было устранить все сомнения в справедливости наказания. В тех же целях роль главного обвинителя была поручена не опричникам, а главному земскому дьяку Андрею Щелкалову.

Став посреди площади, Щелкалов начал громко «вычитывать» печатнику Висковатому его «вины». После каждой статьи обвинения Щелкалов стегал осужденного по голове плетью.

Насколько верно передал Шлихтинг публичные обвинения, предъявленные опальному дьяку в день казни? Подлинные описи царского архива сохранили официальную формулу обвинения. Важнейшим пунктом было обвинение заговорщиков в намерении извести царя злым умышлением и посадить на трон князя Владимира. Шлихтинг умолчал об этом по причинам, разобранным выше.

Щелкалов тщетно требовал от Висковатого, чтобы тот признал нелепые обвинения насчет отравления государя и сдачи крепостей Литве. Земский дьяк ответил своим палачам гордым отказом. «Великий государь, — произнес он, — Бог свидетель, что я не виновен... Но я всегда верно служил тебе, как подобает верному подданному. Дело мое я поручаю Богу, он нас рассудит на том свете».

Придворные царя сделали последнюю попытку убедить Висковатого сознаться в измене и молить государя о помиловании. «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!» — таковы были его последние слова.

По знаку царя печатника ободрали донага и привязали к кресту. Первым к дьяку подбежал Скуратов и отрезал ему нос. Другие «верные» отсекали пальцы на руках и ногах, уши и губы. Последним палачом печатника стал земский дьяк Иван Реутов. Печатника разрезали на части живьем, а потом отрубили голову у трупа.

В течение двух десятилетий Висковатый был ближайшим советником царя и пользовался его полным доверием и даже привязанностью.

После печатника настала очередь государственного казначея Никиты Фуникова. Щелкалов прочел ему «вины» и потребовал от него признания. Казначей отверг обвинения.

Спектакль явно отклонялся от намеченного сценария. Публичное покаяние изменников было предусмотрено опричниками. Грозный решил исправить впечатление и обратился к Фуникову с назидательной речью. Смысл ее сводился к тому, что даже при отсутствии вины казначея он достоин казни уже за то, что был пособником изменника Висковатого: «Даже если ты и ни в чем не прегрешил, тем не менее ты ему угождал, поэтому надлежит погибнуть обоим». Слова царя свидетельствовали о полном отсутствии улик у обвинения.

Фуникова привязали к кресту, после чего Грозный приказал Малюте попотчевать его хорошим медом. Скуратов опрокинул на голову несчастного котел с кипящей водой. Потом его стали обливать попеременно кипятком и ледяной водой. Казначей был сварен заживо.

Синодик опальных подтверждает, что 25 июля был казнен последний сын дворцового повара Молявы Алексей, который также был поваром. Он якобы пытался отравить царскую семью. Повар упал перед царем ниц и остался лежать на земле. По некоторым сведениям, государь, до того не обнажавший оружия, заколол «отравителя» копьем. Не многие из подданных удостоились чести принять смерть от руки помазанника Божьего.

Пример царя воодушевил придворных. Опричный боярин князь Василий Темкин-Ростовский соскочил с коня и отрубил голову дьяку Разбойного приказа Григорию Шапкину, его жене и двум сыновьям. Один из самых видных членов земской думы, родня царя Ивана, Яковлев-Захарьин, обезглавил дьяка Большого прихода Ивана Булгакова, его жену и дочь. Убит был также дьяк Поместного приказа Василий Степанов с женой и сыновьями.

Главными героями московского дела были все же не эти столичные дьяки, а стоявший за их спиной «великий боярин» Семен Васильевич Яковлев-Захарьин, близкий родственник

царской семьи и один из старших бояр думы. В новгородском Судном списке значилось, что изменники-новгородцы «ссылались к Москве... с печатником с Ываном Михайловым Висковатого и с Семеном Васильевым сыном Яковля...». Яковлев был арестован в качестве главного сообщника Пимена.

Грозный простил его и направил воеводой в Смоленск, крепость на литовской границе. То, что воевода намеревался сдать литовцам Новгород и Псков, в счет не шло. Яковлев оставался в Смоленске по крайней мере до весны 1571 г.

25 июля опричники обезглавили бояр архиепископа Пимена (князя Андрея Тулупова-Стародубского, князя Василия Шаховского-Ярославского, псковского наместника владыки Неудачу Цыплятева), новгородских дьяков (Румянцева и Ростовцева), более 100 человек новгородских дворян, многих дворцовых слуг.

Трупы убитых лежали на площади в течение трех дней. Потом их предали земле.

Семья Висковатого подверглась сравнительно мягкому наказанию. Его вдова попала в монастырь, а сын был лишен имения и сослан на Белоозеро. Вдова Фуникова подверглась диким пыткам и умерла, дочь была заточена в монастырь, а сын арестован. Вдовы и дети казненных новгородцев некоторое время оставались в Александровской слободе, а затем царь велел их всех утопить. Среди них были княгини Тулупова и Шаховская, вдовы других архиепископских слуг, члены семей дьяков Кузьмы Румянцева и Богдана Ростовцева. Всего погибло свыше 60 женщин и детей. То, что происходило на Волховском мосту в Новгороде, повторилось и в Слободе.

Казни на Поганой луже были первым актом московского дела. За спиной приказных людей маячила боярская знать. Висковатый и Фуников получили свои чины от бояр Захарьиных, которые сосредоточили в своих руках управление земщиной и распоряжались при дворе племянника царевича Ивана.

Опричники готовились учинить в Москве такой же погром, как и в Новгороде. В день казни Висковатого царь объявил народу с Лобного места, что в «мыслях у него было намерение

погубить всех жителей города (Москвы), но он сложил уже с них гнев». Перспектива повторения в столице новгородских событий пугала руководителей земщины. Возможно, Захарьины пытались использовать свое влияние на наследника, чтобы образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору.

Отношения между царем и наследником были натянутыми. Вспыльчивый и деспотичный отец нередко поколачивал сына. Меж тем царевичу исполнилось 17 лет, и он обладал нравом не менее крутым, чем отец. Грозный давно не доверял Захарьиным и боялся, как бы они не впутали его сына в придворные распри.

Подозрения царя насчет тайных интриг окружавшего царевича боярства зашли столь далеко, что за месяц до московских казней он публично объявил о намерении лишить сына прав на престол и сделать своим наследником «ливонского короля» Магнуса. Достаточно проникательные современники отметили, что царь хотел лишь нагнать страху на земских бояр и припугнуть строптивного сына. Однако его опрометчивые заявления, сделанные в присутствии бояр и послов, вызвали сильное раздражение в ближайшем окружении наследника.

В памяти народа сохранилось предание о том, как грозный царь разгневался на сына. Из уст в уста передавали народные сказители древнюю историю, как царь Иван Васильевич вывел измену из Пскова и из Новгорода и призадумался над тем, как бы вывести измену из каменной Москвы. Злодей Малюта Скуратов сказал тогда государю, что не вывести ему изменушку до веку, пока сидит супротивник (сын) супротив его. Поверив Малюте, Грозный велел казнить наследника, но за него вступился боярин Никита Романович: «Ты, Малюта, Малюта Скурлатович! Не за свой ты кус примаешься, ты етим кусом подавишься!» Благодаря заступничеству дяди царский сын был спасен.

Издатели «Сказов» считали фабулу песни «О гневе Грозного» вымышленной. Но это не так. В основе фабулы лежали реальные события.

Московское дело служило повторением прошедших ранее политических процессов. Его жертвами стали нетитулованная знать земщины и высшая приказная бюрократия. Руководство опричниной осуществлял старомосковский боярский род Плещеевых, представленный главой опричной думы боярином Алексеем Басмановым и его сыном Федором. На них-то и обрушились репрессии.

Грозный отстранил Басманова от участия в расследовании новгородской измены. В конце новгородского похода опричники, как следует из Синодика, казнили двух слуг Басманова. Еще четверо слуг боярина были убиты 25 июля.

Вместе с Басмановыми в опричной думе заседали их родственники Плещеевы. Катастрофа постигла их всех разом. В Синодике сохранилась запись о том, что опричники казнили «Алексия, сына его Петра Басмановы, Захарью, Иону Плещеевых». Алексей Басманов и Захарий Очин-Плещеев были опричными боярами, Иван Очин командовал опричными отрядами. Эти люди пролили много крови. Теперь настал их черед.

Алексей Басманов был обезглавлен вместе с младшим сыном Петром. Его старший сын Федор сохранил жизнь страшной ценой. Он зарезал отца, чтобы доказать преданность царю. Преступление не спасло опричного фаворита. Его отправили в изгнание на Белоозеро, где он и умер.

Грозный выделил отцеубийцу среди прочих опричников. Он прислал в Троице-Сергиев монастырь 100 рублей на помин его души. Позднее он пожаловал сыновей Федора и вернул им отцовские родовые вотчины: «И те им отца их вотчины, которые были в роздаче, все велел им отдати».

Новгородский архиепископ Пимен был пособником царя и поддерживал дружеские отношения с опричным руководством. Члены опричной думы боялись, что расправа с Пименом усилит непопулярность опричной политики. Их волновала также и собственная безопасность, ничем не гарантированная в условиях массовых репрессий. Террор был развязан ими самими, но теперь он все больше ускользал из-под их контроля.

В ходе расследования изборской измены перед походом на Новгород Грозный принял решение перебить всех пленных поляков. По свидетельству Шлихтинга, Афанасий Вяземский возражал против такого решения и добился того, что царь отступил от своего намерения. Оружничий не проявил достаточного рвения в борьбе с изменой и поплатился за это собственной жизнью.

Когда опричный любимец государя увидел, что его жизнь в опасности, он явился к лейб-медику Арнульффу и пять дней скрывался в его доме. Опальный общался с врачом через переводчика Шлихтинга. Переводчик получил сведения об опале Афанасия из первых рук. Достоверность его показаний полностью подтверждает Синодик опальных.

На Афанасия Вяземского донес царский ловчий Григорий Ловчиков, обязанный ему своей карьерой в опричнине. Ловчий сообщил Ивану, якобы Афанасий «выдал вверенные ему тайны и открыл принятое решение о разрушении Новгорода». Слово «якобы» не должно вводить нас в заблуждение. В своих «Записках» Шлихтинг представлял боярина Федорова ни в чем не повинным человеком, хотя был уверен в наличии заговора.

Грозный никому не доверял так, как доверял Вяземскому, только из его рук принимал лекарства. Оружничий первым узнал от царя о решении покарать новгородцев и выдал «вверенные ему тайны». Кому Афанасий мог выдать секрет? Очевидно, Пимену. Следственное дело об измене Новгорода констатировало факт тайной «ссылки» Вяземского с Пименом, но интерпретировало его в духе официозной версии о готовившейся сдаче Новгорода литовцам.

Царь поначалу не тронул любимца, но, как свидетельствует Шлихтинг, велел подстеречь и убить его челядинцев, а потом братьев. Синодик опальных называет убитых поименно. 25 июля были казнены Ермола Вяземский и несколько слуг Афанасия. Узнав, что оружничий скрывается у лейб-медика, царь послал за ним и сказал: «Ты видишь, что все твои враги составили заговор на твою гибель. Но если ты благоразумен,

то беги в Москву». Грозный явно не желал проливать кровь любимца и сам подталкивал его к побегу. Но Афанасий не воспользовался случаем. По прибытии в столицу он был арестован и поставлен на правех. Главного опричника ежедневно били палками по пяткам, требуя деньги. Затем Вяземского сослали в Городец на Волге, где он и умер в тюрьме в железных оковах.

Грозный убедился, что измена проникла в его ближайшее опричное окружение. Воображение рисовало ему картину грандиозного заговора, объединившего против него всех руководителей земщины и опричнины.

Насилия грозили превратить опричное войско в шайку грабителей и мародеров. Опричнина изжила себя, что сделало неизбежным падение старого опричного руководства. Падение было ускорено интригами новых любимцев царя – Малюты Скуратова-Бельского и Василия Грязного. В отличие от Басмановых и Вяземского эти люди не играли никакой роли при учреждении опричнины. Лишь разоблачение новгородской измены позволило им получить низшие думные чины, а затем захватить руководство.